

ЛИК ИСКУССТВА

«Последний джентльмен сцены» Кторов, блистательные Книппер-Чехова и Андровская — какие имена! С апреля нынешнего года идут по Российскому телевидению передачи «О тех, кого помним и любим». Так назвал цикл автор и режиссер программы А. Семенов. В декабре нас ждет повествование о Еланской, задуманы передачи о Масальском, Ершове, Грибове. Собираются материалы о Бабочкине, Любезнове, Гриценко.

Последняя, ноябрьская передача — о Михаиле Болдумане. О ней размышляет Олег Ефремов. ↓

Память о театральном актере сохраняется в легендах, воспоминаниях тех, кто его не забыл. Замечательное поколение «старых мхатовцев» необходимо воскрешать. Это ведь не только прошлое, но вечно живая ткань искусства. Люди, которые его создавали, творили его облик и сами принимали лик искусства, времени.

Как бы тщательно ни собирались в таких передачах фрагменты фильмов и да-

же спектаклей — они не в силах передать творческую мощь актеров, потому что она не только в том, как они играли, но как были связаны с современным им залом.

Чем они брали! Цикл «О тех, кого помним и любим» всем своим эмоциональным, образным строем дает ответ. Передачи выпадают из моды последних лет: нет в них броскости, элементов шоу.

Так и недавняя передача о Михаиле Пантелеймоновиче Болдумане на редкость интеллигентна, лирична. Наталья Юрьевна Дурова искренне и просто рассказала о своем муже, чертах его характера, мы многое узнали о нем как о человеке, хотя все равно не все. Когда же «вытряхивают» все, это становится неинтересным, исчезает загадка.

Вторым повествователем выступает Владлен Давыдов, наш хранитель прошлого: руководство музеем театра, музейные дела — его несомненное призвание.

Болдуман предстал передо мной и, конечно же, не только передо мной в роли Вершинина. Для молодого человека, каким был я в те годы, спектакль «Три сестры» оказался действительно очень, очень впечатляющим. Немирович-Данченко ставил его с романтическим налетом, что широкому кругу зрителей особенно близ-

ко, хотя мне кажется, Чехов и более, что ли, объективен, и не так, что ли, прекраснодушен. Спектакль «Три сестры» был знаменит, и это была моя первая встреча с Болдуманом и другими прекрасными актерами.

А потом... К сожалению, это не вошло в передачу — была работа, именно с Михаилом Пантелеймоновичем, в Художественном театре.

Тогда на нашей сцене впервые появился Антонио Буэро Вальехо, испанский драматург, в пьесах которого всегда есть тот или иной сценический прием, требующий освоения. И вот мы ставим «Сон разума», где Болдуман сыграл Гойю, — считаю, одну из значительных своих ролей и созданий.

Как работали! Мне было интересно. Михаил Пантелеймонович не очень любил допускать режиссера на внутреннюю «кухню», он был самоценной актерской личностью, самостоятельным художником. Можно было предлагать ему мизансцену, обсуждать то или другое, но если что-то его не устраивало, он вел себя так, как будто ничего не слышал, благо он играл старого художника, который был совершенно глух, и авторский прием на этом строился. Когда на сцене Гойя, мы ничего не слышим, кроме его внутреннего голоса или того, что он говорит, и только когда Гойи нет, звучат шаги других действующих лиц, их голоса. Так вот, может быть, Болдуман, вникая в образ Гойи, шел как раз и от того, что предложено драматургом и от реальности.

Просто верилось: это Гойя. И не только интересно было все время что-то разгадывать, но хотелось быть вместе с ним, в его мощнейшей духовной борьбе. Этим он и захватывал.

И тут, может быть, стоит вспомнить, насколько дни Михаила Пантелеймоновича и многих его коллег, были наполнены громадной душевной работой. Их роли были глубоко содержательны. Они несли не только привычную литературную информацию, которую актер тоже должен уметь высказать, но иное содержание — то, что воспринималось «через глаза».

Я не знаю, каким еще образом доходят эти волны внутреннего содержания до зала, но только это задевает и связывает актера и зрителя. В этом уникальность театрального искусства, которую Болдуман собой являл.

Сравнивая нынешних с актерами того поколения, мы видим утрату самостоятельности, самоценности актерского искусства. Эра режиссерского театра принесла многое: единство, гармонию, спектакль как образ, но тот же Станиславский, всю жизнь занимаясь системой, утвердив на русской сцене роль режиссера, тем не менее делал все для того, чтобы не потерять творца-актера. Болдуман был таким.

Беседу записала
Калерия
КОНОПЛЕВА.